

ЧЕЧЕНСКОЕ ИЗДАТ • 1939

П О Э Т Ы ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

★

*В переводе
Арсения Тарковского*

★

ЧЕЧИНГГОСИЗДАТ
ГРОЗНЫЙ ♦ 1 9 3 9

Б О Л К А Н
А Н З О Р О В А

ЗА ВЕСТЬ ВАМ СПАСИБО, ЛЮБИМЫЕ

За весть вам спасибо, любимые,
Друзья дорогие!
Как вздрогнуло сердце в груди моей,
Друзья дорогие!

Отрадней признанья любовного
Сверкающий орден,
По воле Совета Верховного
Врученный мне орден.

Спасибо, Правительство мудрое,
За эту награду.
Живи же Правительство мудрое,
Страну мою радуй!

На солнце гляжу златокудрое,
На землю родную.
Спасибо—за солнце горящее,
За родину,—Сталин!

А сердце,—а сердце кипящее
И ясный мой разум
Тебя этой песней приветствуют,
Любимый наш Сталин.

Под солнцем счастливым—не бедствуют
Горянки в аулах,
В правах уравнил их с джигитами
Любимый наш Сталин.

Сияя над горами, повитыми
Весенним туманом,—
Ты светел, как солнце победное,
Любимый наш Сталин!

Во тьме унижительной—бедные
Аулы тонули,
В великой тоске человеческой
Аулы тонули,—

Но целое двадцатилетие
С тех пор пролетело
И взор твой заботой отеческой
Сияет, наш Сталин!

ЧТОБ ОТ НЕДРУГА НАС УБЕРЕЧЬ

Чтоб от недруга нас уберечь—
Да живет—
Наша Армия!
Чтоб направить на недруга меч—
Да живет—

Ворошилов!

Как внимательный пестун—растит
Нашу Красную Армию
Тот, чья воля тверда, как гранит—
Да живет—

Ворошилов!

Чтобы всем нам счастливыми быть—
Да живет—

Наша Армия!

Чтоб народами руководить—
Да живет—

Наш Сталин!

Враг страны моей милой—во прах,
Упадет перед Армией,
У которой в бою на устах
Имя звонкое:
Сталин!

ОРДЕНОНОСЦУ АЛИ ГУЧИГОВУ

И на-год пришлось проститься
И на-два пришлось проститься,
Вдали от тебя—томиться
Придется мне столько дней!

Я год проживу в печали,
Я два проживу в печали;
Достаточно мы скучали,—
Домой приезжай скорей.

Уехал—и я мгновенно
С надеждой моей рассталась.
Но ты приезжал—и я любовалась
Военной
Одеждой твоей,
Гучигов!

Так будь же здоров, не болей,
Наш милый Гучигов,

Да будет твой день светлей
Всех дней на земле, Гучигов!

Печаль я смирила напрасную,
Наш милый Гучигов:
Уехал ты в Красную Армию,
Наш милый Гучигов!

ПОУТРУ НЕ УВИДИМСЯ

Поутру не увидимся,—
Как мне выдержать это?
Вечеру не увидимся,—
Как дожить до рассвета?

Что мне делать, любимый?
На тебя поглядела,—
А душа моя замерла
И покинула тело.

Пусть трава выростала бы
Из груди моей белой;
Жгучий ливень без жалобы
Я бы тоже стерпела,

Но с тобой расставанья
Не стерплю, мой любимый;
Чем тоску в одиночестве
Утолю, мой любимый?

Коль его не встречали вы,
Так на месяц взгляните,
Коль его не видали вы,
Так на солнце взгляните.

Пусть же месяц померкнет,
Солнце скроется наше,
Если солнца и месяца
Мой любимый не краше.

ДЖЕМАЛДИН

Я Н Д И Е В

☆

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вдаль, стихи мои, летите,
Пусть ваш светлый хор поет,
Рейте, вестники событий,
Вейтесь, радуя народ!

Превратитесь в птиц влюбленной
Человеческой души,
Шелестите в час бессонный,
Говоря с людьми в тиши.

Вы летите золотые,
В горы прадедов моих,
Сев на башни боевые,
Пойте горе дней былых.

Как чабан большое стадо
Зорко должен сторожить,—
Мир большой беречь вам надо,
Правде родины служить.

ЗВЕНИ, МОЯ ПЕСНЯ

Звени, моя песня, ликуя, играя,
Сияя земле, как луна золотая,
Как чайка над морем, от края до края,—
Над миром бескрайного счастья летая.

Мерцай, как звезда на рассветном востоке
И стань для народа отрадой нетленной,
Лети, синекрылая, в город высокий,
Где бьется бессмертное сердце вселенной.

Поведай вождю о народе, который
Влачил, как тень, за сохою скрипучей,
А ныне—седые Кавказские горы
Он сдвинул бы с места рукою могучей.

Поведай вождю о широких просторах,
О жизни, вскипающей полною чашей,
О черных, железных конях, на которых
Красуются всадницы—девушки ваши.

Поведай, что очи родимого края,
Струившие слез многоводные реки,
Глядят, как высокие звезды мерцают,
На счастье, что с нами пребудет вовеки.

Поведай вождю: если наша граница
Подернется дымом и пламенем алым,
Мы вражеской, черною кровью омыться
Позволим ингушским бесстрашным кинжалам.

Ужели земля по весне расцветала б,
Когда бы горячего солнца не знала?
Ты, песня крылатая, не ликовала б,
Когда бы о Сталине ты не слыхала!

Звени, моя песня, ликуя, играя,
Сияя земле, как луна золотая,
Как чайка над морем, от края до края,—
Над миром бескрайного счастья летая!

* * *

Впервые—в горах я увидел зарю;
Желтели по осени горные скаты
И сердцем я радуюсь. Я говорю:
Отец мой—Октябрь, золотой и крылатый.

В младенчестве, звонкое эхо дразня,
Я бегал, как серна,—и травы шумели,
Ручьи ввечеру усыпляли меня,
А солнце будило меня в колыбели.

Мне бабушка тихую песню свою
Певала, на грудь мою слезы роняя;
Я в сердце свинцовую ношу таю
И мучит меня эта тяжесть седая.

„Ты, внучек, рожден не для счастья на свет,
Так выпей всю чашу свою поневоле,
Всю горькую чашу наследственных бед,
Как воду поденщик на выжженном поле.

„Твой дедушка знает, как жить тяжело,
Глядит, как влюбленный, на землю скупую.
На плечи его коромыслом легло
То бремя, с которым он прожил вслепую.

„Один—исходил он все горы кругом,
Знаком от рожденья с тропинкой любою,—
Так нашей измученной кляче знаком
Тот путь, что приводит ее к водопою.

„Твой дед одинокий в опасном пути
Берданку свою называет любимой,
Когда утешенье он хочет найти,
Он смотрит на тучи, бегущие мимо...”

Мне в детстве казалось, что наша судьба—
Как дряхлая, полуослепшая кляча,
Как просьбы о хлебе, как наша арба,
Что звезды молила и маялась, плача.

Октябрь зазвеневшую чашу мою
Огнем животворным наполнил с избытком;
Из чаши моей непустеющей пью,—
Вовек не пресыщусь кипучим напитком!

Октябрь меня сделал поэтом—и вновь,
Во имя отчизны и нашей свободы
В стихе моем бьется, как жаркая кровь,
Та песня, что слышал я в детские годы.

* * *

Обо мне ты, нана, не думай
В день, когда уйду я далёко,
Из окна не гляди угрюмо,
Не грусти, постарев до срока.

Глаз прекрасных, видевших много,
Ты к земле не склоняй несмело,
Не томи всегдашней тревогой
Головы твоей поседелой.

Не следи, как туча проходит
По горам арбой похоронной,
Как звезда над землею бродит,
Бродит мачехою бессонной.

Ты у солнца, вставшего рано,
Не ищи для меня защиты,
И луну быть моёй охраной
В полнолуние не проси ты.

Не проси у серпа в лазури
Ниспослать мне счастье наградой
И на козьей пятнистой шкуре
Обо мне молиться не надо.

Если быть мне женой захочет
Не приверженка древней веры—
Пусть горючей влаги не точат
Глаз твоих глубоких пещеры.

Пусть же русская—все равно мне!—
Пусть грузинка мне сердце ранит:
Настоящей ингушкой,—помни!—
Для меня любимая станет.

Говорила ты мне, родная:
„Ты расти, красивый и ловкий,
Взглядом женщину покоряя
И владея меткой винтовкой.

„Будь с врагами—суровой грома,
Словно солнце, ласков—с друзьями,
Будь на крепком седле—как дома,—
До могилы связан—с горами“.

Я припомню, если позволишь,
Как сидишь ты возле окошка,—
Шьешь—и палец иглой уколешь,
И меня побранишь немножко.

Нана, мир без конца и краю,
Мир широкий—мое жилище;

Жизнью сердце я наполняю,
Как суму набивает нищий.

Дан мне мир без конца и краю,
Нана! стал он еще огромней.
Золотые песни слагаю,
А тебя забыть—не дано мне.

РОДИНА

Иду я—и сердцем ликую
На лоне привольной земли.
Кто радость узнает такую
От милой отчизны вдали?

Красуйся в девичьем уборе!
Кто взором окинет,—скажи!—
За морем—широкое море
Полей без единой межи?

О, как ты смеешься, родная!
Ты лунного лика светлей.
И щедрое солнце, играя,
Сияет над ширью твоей.

Я верю дороге широкой:
Ты сердце уводишь в простор.
Взгляни: для тебя, синеокой,
Я золотом вышил узор.

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Спи, мой прекрасный, спи, золотой мой!
Радостный сон увидишь, мальчик.
Спи, мой прекрасный, спи, золотой мой!
Сладостный сон увидишь, мальчик...

Ты не станешь, мальчик милый,
Побирушкой у меня,
Не проходишь до могилы
Без удачи, без коня.

У плетней глухих селений
Не бродить тебе с горбом,
Не склонять тебе колени:
То, что ищем—всё найдем.

Благодарен будь высокой,
Золотой своей судьбе.
Ты расти, мой смуглощекий,
Сталин помнит о тебе.

Не платить тебе калыма,
Бога тщетно не хвалить,
Не томиться по любимой,
На работе слез не лить.

Верю светлой и высокой,
Золотой твоей судьбе.
Ты расти, мой смуглощекий,
Сталин помнит о тебе.

Поле щедрое—гордиться
Будет мальчиком моим;
Позовет тебя граница,—
Станешь зорким часовым.

В жизнь войдешь с отрадной ношей
Мудрых знаний и труда.
Буду знать, что ты—хороший,—
Не состарюсь никогда.

Рада я судьбе высокой,
Золотой твоей судьбе.
Ты расти, мой смуглощекий,
Сталин помнит о тебе.

Месяц тонет в дымке тонкой,
Гаснет сонный небосклон.
Мать баюкает ребенка,
А над ним—
Летает сон.

В дом вступает сновиденье,
Дрёма ходит в серебре.
Мать поет—
И спит селенье,
Спит селенье на горе.

* * *

Пойду я медленно, как вол,
Поможет счастье мне на пашне
И плуг не будет мне тяжел,
И будет сладок труд всегдашний.

Пускай бесплодны до сих пор
Мои немые горы были,—
Взойдет на склонах этих гор
Невиданное изобилье.

И людям золото полей
Раздам я на пиру богатом,
И станет мир еще светлей,
И солнце назову я братом.

домой

Подняв ресницы, моя земля
Дышала предо мною,
В белых одеждах тополя
Пахли ранней весною.

В небе цвели голубые шелка,
Там вода морская светилась;
Прильнула к ветру моя щека,
А солнце к земле клонилось.

И остался шум в стороне,
Отошел в прозрачные дали.
Пела мельница в тишине.
Всё утихло. Сумерки пали.

Легкой рысью лошади шли
И сердцу стало ясно:
Лицо луны мерцает вдали,
Молодо и прекрасно.

Подковы стучали, как молотки,
Искры сыпались из-под стали
И золотые волоски
Очи небесные источали.

Прозвенела звезда стрелой,
Улетела к далекой цели,
Стаей птиц над Столовой горой
Облака, белея, висели.

А в сердце моем — улыбка жила.
Из Москвы я приехал ночью.
Думы кружились.
Природа — светла,
Я это видел воочью.

Худые плечи склонив над столом,
Старушка моя родная
Сидела тихонько, с наморщенным лбом,
Букварь по складам читая.

СЕРДЦЕ

Почему с такою жаждой
Это сердце рождено,
Что лететь за птицей каждой
Порывается оно?

Если б мог я птицей реять,
Я б слетел к сердцам людей
И любую грусть развеять
Мог бы песнею своей.

Я бы юных сил кипенье
Поседевшим возвратил,
Всех, не знавших пресыщенья,
Я бы вывел из могил.

И тогда б я стал чудесней
Птиц, поющих по весне,—
Как я был бы счастлив песней
Зародившейся во мне!

Все, забыв свои печали,
Полюбили б голос мой,
На ладонях бы держали
Этот трепет золотой.

Потому с такою жаждой
Я на светлый мир смотрю
И слежу за птицей каждой,
Улетающей в зарю.

ВРЕМЯ

Время, время, конь лихой,
За тобой бегу, — постой!
Дай до гривы золотой
Дотянуться мне рукой!

Через воды, горы, доли
Устремляешь свой полет,
Пролетаешь, конь веселый,—
Подожди! — а ты — вперед!

Гаснет звезд молочный свет
И смотрю я, молча, ввысь.
Выстрел поднял птиц? О, нет!—
Годы юные взвились...

* * *

Как теперь глубок мой взор,
Как мой трезвый ум спокоен.
Ты скажи, родной простор:
Я теперь тебя достоин?

Сердце молодо мое,
Я навеки счастлив, зная,
Как прекрасны — бытие
И отчизна золотая.

Жизнь! я так тебя люблю,
Как ребенок мать родную.
На ладонь приляг мою
И тебя я поцелую.

ЗИМА

Зимних дней безмолвные кочевья!
Тишина! твоя постель бела.
Обнищали тихие деревья,
Осень их одежды унесла.

Наши горы вдаль глядят без речи;
Неподвижен елей стройный ряд,
Шалями закутаны их плечи:
Так на свадьбах девушки стоят.

Топоры не блещут над водою,
Сами воздвигаются мосты.
Иногда — метели бродят, воя,
Поджимая белые хвосты.

Меркнет солнце в небесах морозных,
Словно глаз на стуже, покраснев;
Пляшут люди на дворах колхозных,
Выбивая ледяной напев.

НОВЫЙ ГОД

В небе мерцает путь твой млечный,
Ты идешь, нам добра желая,
Вестник радости бесконечной,
Желанный гость привольного края!

Крепок ты, как лесной орешек,
Светишься утренней звездой
И голубком обгоняешь пеших:
Будет еще веселей с тобою!

Озаряя твою дорогу,
Тебя увидит Сталин мудрый,
Счастье ты принесешь к порогу
Страны моей золотокудрой.

Ты—океанским подобен водам,—
Радуга радости над волнами!
Тебе навстречу иду с народом
Дни твои воспевать стихами.

С каждой минутой—ты все ближе,
Лети над землей, принимай приветы;
Счастьем по-сталински награди же
Всех трудящихся всей планеты!

ЛЕЙЛА

Для тебя, для милой Лейлы,
Берегу луга в цвету,
Для тебя, для милой Лейлы,
На лугу венок плету.

Для тебя—мой самый зыбкий,
Самый робкий из лучей:
Пусть сравнится он с улыбкой
Чуть заметною твоей.

А в моей кошнице бедной
Для тебя—сладчайший плод,
Для тебя земля цветет
И восходит месяц медный.

Взор на мне останови,
Милая Лейла,
Преклони глаза твои,
Милая Лейла,

Умираю от любви,
Милая Лейла,
Пить хочу я,—напой,
Милая Лейла,
Преклони ко мне твой взор,
Лейла, Лейла,
Дай напиться из глубоких
Голубых твоих озер!

ЛЮБИМАЯ ЛУНА

В. Н. Корниловой

О, если бы меня ты вспоминала
В тот час, когда слетает ночь, как птица,—
Моя душа таиться бы не стала,
Могли б стихи, как кровь из сердца литься.

Всё (только не калым!) по доброй воле
Сложил бы я перед тобой одною,
Когда бы ты меня в колхозном поле
Искала, выйдя золотой луною.

Коль ночью нет тебя со мной,—несмело
Смотрю туда, где в синем океане
Мне до утра твое сияет тело,
Еще прекрасней и еще желанней.

Коль нет тебя со мною днем,—незримо
Сияешь ты в твоём прозрачном небе,
И льнет ко мне шелк рукавов любимой,
И я весь день хвалю мой светлый жребий.

Когда ты ночью, или днем со мною—
Твой взгляд ловлю: нас в целом мире—двое,
Тянусь к тебе с той нежностью земною,
С какой к тебе влечется все живое.

* . *
* * *

А, будь ты неладен, ингушский язык!—
Ты беден и досель;
Ты мчал меня по морю краткий миг
И вышвырнул на мель.

А всё же—ты станешь богаче дня,
Прекрасней, чем звезда;
Как первую ласточку, люди меня
Быть может вспомнят тогда.

К тебе, как на праздник, в блаженный век
Другой поэт придет
И ты не будешь, как черствый чурек,—
Созреешь, как сочный плод.

ХАДЖИ-БЕК ИР

МУТАЛИЕВ

☆

РОДИНА

Родина!
Люблю тебя, как душу:
Мы взростали
Под твоим крылом
И теперь
Твои моря и сушу,
Как зеницу ока
Бережем.

Потому люблю тебя,
Что силы
И мои нужны тебе,
Что нас
Учат всех
Отцовские могилы
За тебя
Сражаться в грозный час.
Потому,
Что всей земли народы,

Видя твой
Неугасимый свет,
Рвутся к воле,
Потому что годы
Только шествие
Твоих побед.

ПЕРЕД МОГИЛОЙ ЛЕНИНА.

Я вышел на площадь,
Неспешно шагая.
Скрипит под ногами
Кора снеговая.

Молчанием грозным
Объята могила;
Народное горе
Перед ней проходило.

И стал я печален,
И мнится мне: сирю
Земля холодеет
Перед судьбами мира.

Он умер. Клубились
Морозные дымы;
Рыдал, как ребенок,
Кавказ мой родимый.

Но тот, на кого нас
Учитель оставил,
По ленинским вехам
Народы направил.

Он мыслит как Ленин
О судьбах вселенной,
Истории—видит
Он смысл сокровенный.

Свой свиток просторы
Пред ним развернули
И видит он—завтра
Китайского кули.

В руках его мощных
Ключ воли народной.

О, сердце, не мучься
Печалью бесплодной!

Земля моя! Снег мой!
Не жалуйтесь ныне:
Сегодняшний Ленин—
В кремлевской твердыне!

1938 г.

СЕРГО

Минувший вечер был как все
Другие вечера
И как всегда, моя страна
Работала вчера.

Где знамя красное—Серго
Подъял над крутизной,
Лежал в горах, как вата, снег,
Сияя белизной.

У наших дальних рубежей
На боевом посту
Охрана тихий шум шагов
Ловила на лету.

Среди седых, кипучих волн,
От родины вдали,
Под красным флагом гордо шли
Большие корабли.

Наш сокол воздух рассекал
Серебряным крылом,
В полете Фарих был.

Страна

Заботилась о нем.

Минувший вечер был как все
Другие вечера,
Я счастлив был.

Еще вчера

Смеялась детвора.

Никто из нас не знал, что смерть
Готовит злую месть,
Что день февральский принесет
Мучительную весть.

В Москве угасла жизнь Серго.
Он был одним из тех,
Чье сердце — жизни яркий свет
И мужество, и смех.

О, как мы радостно всегда
Свой начинали день!
Часами общего труда
Мы украшали день.

Никто не думал, что за ним
Следит из-за угла
Шпионка-смерть,

Воровка-смерть,
Что смерть к нему вошла,

Что наше счастье омрачит
Своей кончиной он,
Что в этом феврале к нему
Слетит последний сон.

Чеченец думал:

„Он придет!“

И ждал ингуш:

„Придет!“

В гостях увидеть у себя
Его хотел народ.

Серго водил свои полки
По склонам наших гор
И тэзет* черные крылья
Над саклями простер.

Среди седых, кипучих волн
От родины вдали
Под флагом траурным идут
Большие корабли.

Наш сокол — Фарих держит путь
Над пеленой полей,
А в сердце бьется та же скорбь
Родной земли моей.

И там, где на два стана мир
Столбами разделен,

* Тэзет — траур.

Скорбит советский часовой —
Но так же зорек он.

От стариков до малышей
В печаль погружена,
Ему, родному, говорит
Советская страна:

— Прощай навеки.

Спи, Серго!

Единый строй сплотив,
Мы вдаль, за Сталиным, идем,
Звезду Коммуны мы зажжем;
В сердцах героев, наш Серго,
Ты будешь вечно жив! —

ДВАДЦАТИЛЕТНЯЯ СТРАНА

Двадцать лет!
Как мысли,
Пробежали годы,
Старое сломавшие.—
И вот —
Молодой ликует:
Двадцать лет свободы!
И старик,
Как юноша, поет.

Двадцать лет!
Вы думы
Увели далёко:
Помним,
Помним времена невзгод, —
В кандалы закован,
В пропасти глубокой .
Жил орел:
Ингушский — мой — народ.

Знал народ не песню, —
Сердца плач надрывный,
Враждовали
Братские сердца,
Но однажды руку
Протянул призывно
Брату—брат
На верность без конца..

Созданное ими—
Их не пресыщает;
Братья
Вдаль идут
Рука с рукой.
Кто их обездолит?
Братья твердо знают:
Силы—нет
На всей земле
Такой.

Это—
Праздник братьев,
Их двадцатилетье;
В небесах—
Ни облачка...
Земля
Дышит полной грудью..
Вечно зеленеть ей:
Солнце,
Солнце смотрит
Из Кремля!

ЮНОСТЬ

На физкультурном параде

Цветет за домами
Простор голубой;
Проходит рядами
Народ молодой.

Могучая сила,
Большая семья,—
Ее ты вскормила,
Отчизна моя.

Флажки, точно стайки
Цветных голубей,—
Проходят хозяйки
Шiroких полей.

И песня, истаяв,
Затихла на миг
Над строем хозяев
Заводов твоих.

Твой труд закалил их,
Им весело жить.
Отчизна, кто в силах
Им путь преградить?

А поступь—такая,
Что каждый их шаг
Гремит, не смолкая,
У мира в ушах.

Под сталинским солнцем
Стране—
Хорошо.
Под сталинским солнцем
И мне—
Хорошо.

А сердце, как птица,
Забилось, друзья,
Да жаль, что пробиться
К трибунам нельзя.

Я крикнул бы:
— Ярость
Врагов—не страшна
Стране, где и старость
Светла, как весна,

Привольной отчизне,
В которой рожден
Для света и жизни
Великий закон.

Что может быть лучше,
Чем юность, друзья?
О, край наш могучий,
Отчизна моя!

МОЙ ГОСТЬ

Он,
Свидетель горя
Старших поколений,
Гостем входит.
Помню:
Я—дитя—
Весело взбирался
На его колени,
Он смеялся,
Черный ус крутя.

В детстве
Мне казалось,
Что семьею дружной
Вся земля
По край заселена.
Почему же
Взрослым
Брови хмурить

Нужно?
Почему
В аул пришла
Война?

Как бледнели щеки
Женщин оробелых,
Как стучали
Детские сердца!
Гнал
Серго бесстрашный
В лапы смерти
Белых
По приказу
Нашего отца:

Л е н и н!—
Повторяли
Мы в тот год кровавый.
Недруги
У нас украли
Смех.
Он был отвоеван
В этот год
Со славой,
Стала радость
Достояньем
Всех.

На лице у гостя
Отблеск

Тех сражений,
Он,
Как прежде,
Ловок и силен,
Но, причастный славе
Старших поколений,
Сединою
Гость мой
Убелен.

Со своим отрядом
Он громил
С налета
Белых
В девятнадцатом году
И седины гостя
Требуют почета,
И ему
Навстречу
Я иду.

— Ты гостеприимством
Не побрезгуй
Скромным,
Будь, как дома,
В комнате моей.
Пусть рванется сердце
К тем боям огромным,
Где рождалось
Счастье наших дней.

Н У Р Д И Н

М У З А Е В

★

НАША РОДИНА

Гигантский глобус—
Летит земля.
Горы,
Озера,
Леса,
Поля.
О, золотые мои края!
Одна шестая земли—
Моя.
Это—
Кипучий поток щедрот,
Это—
Широких полей моря,
Это—
Ребенок, смеясь, растет,
Сердце поет и горит заря,
Это—
Заводы до самых звезд,
Электростанций могучий рост,

Право на отдых,
Право на труд,
Вторая молодость
Стариков,
Это—
Для наших детей цветут
Розы в прохладной тени садов,
Это—
Грядущее всей земли,
Жизнь без рабов
И без господ,
Это—
Созвездья наук взошли!
Это—
Крылатых умов полет!
Это—
Свободу кует кузнец,
Это—
Врагам
Конец!
Мне—
В большевистском саду расти,
Мою родную страну беречь.
По боевому пойду пути,
Когда наш недруг подымет меч.
Гигантский глобус—
Летит земля.
Горы,
Озера,
Леса,
Поля.

Родина!

Здравствуй, земля моя!

В дружбе

Народов твоих семья.

Родина!

Это—

Народ и вождь,

Это—

Единства

Мощь!

РОВЕСНИКАМ

Недаром рушились горы,
Бессоницей отяжелены,
Недаром боролись
Наши отцы и деды,
Даже храброму страшно
Стоять пред лицом войны,
Но—как весело сердцу
Увидеть глаза победы!

Было трудное время,
Разбушевалась гроза,
Деникинские бандиты
Наши спины
Полосовали,
Жгли нас огнем,
Но мы им в глаза,
Мы им в глаза
Плевали.

Мы багряную брагу
Со смертью пили на ты,
С удавками на шеях
Мы встречали рассветы,
В смертный час раскрывались
Обугленные рты:
„Да здравствуют
Советы!“

Весело знать,
Товарищи,
Что кровь недаром лилась,
Мы землю перепахали,
Поклявшись,
Что перепашем.
С днями прошлых сражений
Не оборвется связь,
Счастье
Стало
Нашим.

Наливаются почки
Яблоневых садов,
Золотое, вешнее солнце
У родины в изголовье,
Нам вручило солнце
Лучший из даров:
Здоровье.

Радостно, товарищи,
Книгу побед листать.
Мы победили.

С нами—
Был Ленин в дыму сражений.
Сталин учился у Ленина,
Чтобы—
Как Ленин стать.
Да будет наша мощь
Сильна, как сталинский гений.

Нас врагу не сломить,
Наши шаги тверды,
Мы идем
Дорогою большевистской,
Вспыхнет над всей вселенной
Пламя нашей звезды:
Это время—
Близко.

Товарищи!
У нас
К радости повод—
Есть:
С нами—Сталин,
Победа—с нами.
Пусть вовеки движут
Мужество,
Доблесть,
Честь
Нашими сердцами!

ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА

Июля раскаленного огонь
Сжигал листву.

Трава на солнце тлела.
Стоял среди лесной поляны конь,
Пред ним лежало молодое тело.

— Я, быстрый конь, тебя не узнаю:
Стоишь, потупив голову свою,
И мнится—ты к земле прикован;

Мнится—
От горьких слез твой светлый взор мутится.

— Вот он лежит, хозяин твой и друг.
Ужели мир стал для джигита тесен?
Был замкнут здесь его разъездов круг—
Под звон подков и ликованье песен.

— И кровь струится из его груди,
Вот он лежит с закрытыми глазами.
Вот он уйдет—боец, друживший с нами,—
Тебя и мир оставив позади.

— И дрожь проходит по губам лиловым,
И на щеках белеет смертный мел,
И маузер в руке заледенел—
Ответивший врагу свинцовым словом.—

Лесные мухи кружатся над ним,
Повисло солнце шаром кровавым—
И при последней молнии сознания
В немую даль плывут воспоминанья.

И видит он себя среди друзей.
В ауле—праздник.

Шумно в школьном зале.
Все хлопали в ладоши тем дружнеей,
Чем пламенней слова его звучали.

Сквозь дымку—

Поле видит он потом,
Один стоит он на холме крутом,
Он видит землю без конца и края.
Невдалеке пасется верный конь.

Потом—

К его ладони, замирая,
Девичья прижимается ладонь.
Там, за аулом, лают псы пастушьи.
— Прислушайся: в ауле—тишина.—

Когда сердца их стали биться глуше,
Настало время клятв.

Была дана

Та клятва, что осталась нерушимой.
Он говорил, смотря в глаза любимой:

— Клянусь отчизной светлою моей,
Клянусь, пока на свете существую,
Хранить огонь, что солнца горячей.
И ты храни мою любовь живую.—

Минувшее пред ним плывет, как дым.
— Ты, милая, перетерпи разлуку,
Живи на зависть недругам моим!—
И в воздух он протягивает руку.

Его друзья не находили слов,
В сердцах кипела злоба, точно море.
— О, если б, конь, ты мог назвать врагов!--
В селенье люди говорили:
— Горе!—

Его друзья не находили слов
И в каждом сердце трепетала рана.
И девушка пришла к нему на зов,
И вскрикнула, увидев кровь Салмана.

Кругом толпа шумела, разъярясь,
Салман в траве лежал перед толпою.
А девушка уже теряла связь
Меж миром, жизнью, милым и собою.

— Ты помнишь ли влюбленные слова,
Ты, чьи зрачки от горя потемнели?

Ты помнишь ли, как меркла синева?
Ты помнишь ли, как звезды пламенели?

—Он говорил:

„Кто б мог разбить любовь,
Что нас навек с тобой соединила?“
И руку ты ему пожала вновь,
Чтоб всё ему без клятвы ясно было.

— „Кто разобьет бессмертную любовь?“
Вокруг него легла трава, краснея,
Струится кровь из ран.

Не прекословь:
Его любовь уходит вместе с нею.—

Июля раскаленного огонь
Сжигал листву.

Трава на солнце тлела.
Стоял среди лесной поляны конь.
Пред ним лежало молодое тело.

Над раненым жужжал мушиный рой,
Лесные травы пахли кровью алой,
А конь стоял с поникшей головой
И в конском горле горе клокотало.

И звякнули чуть слышно удила,
И мухи всполошённые взлетели.
Салман убит...

Вся жизнь его была,
Как звонкий выстрел, грянувший в ущельи.

Салман убит...

Он был для многих мил,
И был он храбр и крепко жизнь любил.

В глухом дому, в убогой комнатенке
Минувшей ночью люди собрались,
Не люди, нет!—

Презренные подонки,
Что комсомольца погубить клялись.

Они, таясь от честных глаз, как воры,
Винтовочные чистили затворы,
Точа клинки на черном оселке,
Испытывали их на волоске.

Когда прозрачной стала ночь немая
И там, за лесом, солнце подымая,
Рассвет крылом сияющим взмахнул,
Когда проснулся шумный мой аул,

Когда с востока брызнул пламень алый,—
Трусливые и злые, как шакалы,
Таясь в траве среди зеленой мглы,
Они ползли к поляне, заставляя

Смотреть вперед ружейные стволы.
Предательская, бешеная стая!
Помещик бывший был их вожаком,
С его плетью отец мой был знаком.

Трусливая и бешеная стая!
Предатели!

В их жилах желчь текла.
Они бродили, сакли поджигая,
Они стреляли в нас из-за угла.

Теперь Салмана ждут они—
И пальцы
На спусках держат.

И синееет сталь.
И облака, небесные скитальцы,
Уходят в розовеющую даль.

О, звездный блеск росы на листьях леса!
Его затмил текущий свет небес.
Верхушки трав просохли.

Как завеса,
Туман над лесом взвился.
Ожил лес.

Салман запел о мужестве желаний
И вольной жизни.

Из зеленой мглы
Проаяли ружейные стволы
И кровь зардела на лесной поляне.

Салман в траву свалился, ослеплен.
Но маузер поспешно вынул он
И взял на мушку тишину лесную:
— Эй, подходи и получай мой долг!—

Преступники метнулись врассыпную
И звонкий выстрел грянул и умолк.

Один упал и скрылись остальные
И листья зазвенели, как стальные.

Так—

Вожака в чащобе потеряв,
Кабанье стадо, грудью разрывая
Таинственную путаницу трав,—
Бежит стремглав...

О, эта кровь родная!

Июля раскаленного огонь
Сжигал листву.

Трава на солнце тлела.
Стоял среди лесной поляны конь,
Пред ним лежало молодое тело.

Лесная наклонилась тишина
Над раненым—и он, как бы устало,
Сказал:

— Прощай, прекрасная страна!
Друзья, прощайте!—

И его не стало.

— Я, быстрый конь, тебя не узнаю.
Стоишь, потупив голову свою.
Пот по ногам твоим течет—

И мнится:

От горьких слез твой светлый взор мутится.—

Как быстрый ветер, горестная весть
Задерживала встречных по дороге:

— Салман убит!—

И в этот день тревоги
В ауле прозвенело слово:

Мечь.

В сердцах кипела ярость, точно море,
И языки других не знали слов.

— О, если б, конь, ты мог назвать врагов!—
И в конском горле клокотало горе.

А девушка глядела, не дыша,
На труп Салмана—

И ее душа
Как лед застыла...

И заржали кони,
И хлынул вихрь стремительной погони...

Небесная отяжелела высь,
Гроза гремела в этот день печали
И травы за бандитами гнались,
Кустарники их на бегу хватали.

И не ушли они на этот раз,
Запутав след,
В свои глухие норы
От наших гневных, неотступных глаз.

Мы—как Салман—
Всем сердцем любим вас,
Родимые,
Бескрайные просторы!

МУСИТ

АКТЕМИРОВ

★

ГОРДОСТЬ НАРОДА

Ты, свод небесный, не гордись пред нами
Далекими горящими звездами,
Затем, что ярче блещут пред глазами
Большие звезды, созданные Сталиным.

Ты не гордись, моя земля, терпением,
С которым жизнь даешь своим растеньям:
Бессильна мощь твоя пред вдохновеньем
Людей могучих, выращенных Сталиным.

Ты не гордись, ключей вода живая,
Героям нашим силы придавая,
Затем, что гаснет жажда огневая
При звуке слов, произнесенных Сталиным.

Ты не гордись пред нами, воздух горный,
Тем, что твои порывы—животворны:
Нас не отравит яд капитализма черный—
От недругов защищены мы Сталиным.

И вы пред нами не гордитесь, горы,
Тем, что видны вам дальние просторы;—
Вот наша гордость: наш отец, который
И вас превыше. Он зовется—Сталиным.

ГРАНИТНЫЙ УТЕС

В чуждых странах, там, где ночь простерла
Совиные черные крыла,
Смерть сжимает молодые горла;
Но и там уже редет мгла,
Рассекая грозовые тучи,
Сокол революции парит.

Сталин держит исполинский щит
Над моей отчизною могучей.

Гонит волны яростный прибой,
Высится утес несокрушимый,
Высится гранит сторожевой—
Армия страны моей родимой.

Нежными заботами страны
Храбрые бойцы окружены;
Слава их взростала год от года
На полях работы и войны

И в сердцах свободного народа
Их деянья запечатлены.

Ядовитых, черных волн кипенье,
Змей вражьих злобное шипенье
Долетает издали до нас;
Мы достойно встретить их сумеем,
Не укрыться ядовитым змеям
От крылатых молний в грозный час!

И пора великих битв настала.
Обнажили самурай жала,
Всколыхнулось озеро Хасан
И земля от грома задрожала.

Армия рабочих и крестьян
В эти дни на деле доказала,
Что в груди у красного бойца
Сердце льва,
Что всех врагов осилит
Ливень смертоносного свинца,
Крупный дождь,
Пронзающий навывлет
Подлые, змеиные сердца.

А в глазах бойцов сияло пламя,
Светлый взор был гневен и суров.
В эти дни гремело над горами
Имя, устрашавшее врагов.
Командир, израненный в сраженьи,
Поднял вновь свое подразделение,—

Он сказал:

— За Сталина,—вперед!—

И пошли герои в наступленье.

О, питомцев сталинских полет!

Мужество, кипящее, как лава!

Этих дней торжественная слава

Никогда в народе не умрет.

Боец пишет письмо родным:

Край любимый!

Свет сыновьих глаз!

Отчий край,

Сверкающий алмаз!

Для него—не пожалею жизни,—

Пир веселья—

Гибель за него!

Хорошо служить своей отчизне

И ее увидеть торжество.

Матушка моя Гизо!

Не знаю,

Как тебя за жизнь благодарить.

Мы принадлежим родному краю,

Он не перестанет нас любить.

Ранен я, но сердцем беспечален,

Верный сын прекраснейшей из стран:

На меня—

С улыбкой смотрит Сталин.

Так писал боец Надир-Султан.

Девушки поют:

Братья нам по духу и по плоти!
Вы в сердцах своих сестер живете:
Нашей Красной Армии—
Привет!
В дни боев мы будем рядом с вами.
На дорогах славы и побед.—

Песни над Кавказскими горами
Кружатся, как птицы в небесах,
И дворцы восходят за дворцами
Там, где ветер плакал при царях..

Родители бойцов говорят:

Наша гордость,
Красные герои!
Дорожите родиной своей
И в других сраженьях
Будьте втрое
Всех джигитов прошлого храбрей..
Берегите, как зеницу ока,
Отчий край,
Простершийся широко,—
Родину,
Доверенную вам!

Так отцы вызывают к сыновьям..

Ворошилов!
Не в его ли взоре

Вражий стан прочтет судьбу свою?
В воздухе,
На суше
И на море—
Будет враг испепелен в бою!

Реет гордо сокол краснокрылый
Над полями трудовой страны.
Враг вовек не сломит вашей силы,
Сталина великого сыны!

Если враг захочет биться с нами—
Уничтожим в грозный час врага
У его родного очага.

Да сияет Ленинское знамя!

А Р Б И
МАМАКАЕВ

★

ПАМЯТИ ОТЦА—ШАМСУДА МАМАКАЕВА

Терек поет перед твоею могилой,—
Сердце его до сих пор не забыло,
Как ты с отрядом в суровые годы
Пересекал его грозные воды.

Ветер играет травой изумрудной.
Спишь ты под чуртом* двойным
непробудно;

Брат твой Юсуп партизанил с тобою,
Рядом вы спите под шумной травой.

Враг не ушел от стремительной стали:
Ленин и Сталин вам путь указали,
Вы не напрасно сражались за волю,
Счастье досталось народу на долю.

Смертью закончились ваши походы.
Был я ребенком в те славные годы;

* Ч у р т — надгробный памятник.

Мы не для нищенства—малые дети
С сыном Юсупа остались на свете.

Партия нас подняла и вскормила,
Чтобы цвела наша юная сила;
Знание дала нам, снабдила оружием.
Волей мы дышим и родине служим.

Спи! мы гордимся делами твоими,
Носит колхоз твое громкое имя.
Сын твой поет о свободе и силе,
Сына Юсупа в Кремле наградили.

Сердце мое эту песню сложило
Перед твоею высокой могилой;
Клятвой единой мы связаны оба
В верности Партии нашей—до гроба.

1939 г.

НАШ ПУТЬ

Дж. Яндиеву

О мулле забыло селенье,
Мы не ходим на джамаат, *
Возмужавшее поколение
Подкосило седой адат.
Дышит светом наш день рабочий,
Ночь рабочая не темна,
Труд не спит в мерцании ночи,
Днем и ночью строит страна.
Чтобы к нам приблизились дали,
Умирали наши отцы,
Знамя красное подымали,
Истекая кровью, бойцы.
Светел путь, врагу недоступный,
Жизнь смеется перед тобой,
Словно катится жемчуг крупный,—

* Д ж а м а а т — вечерняя молитва мусульман.

Это счастья родник живой.
Мы от имени двух народов,
Всенародным путем идя,
Славим знамя наших походов,—
Нашу партию и вождя.
Пусть не Лермонтов и не Пушкин
Мы с тобою, товарищ—друг.
Но мы всё же слагаем песни
Обо всем, что видим вокруг.
Не сужу: хорошо, иль плохо,—
Пусть об этом судит страна,
Только—Сталинская эпоха
В наших песнях отражена.
Что же в мире было чудесней,
Чем свобода, счастье и труд?
Твердо знаю, что эти песни
И потомки наши прочтут.

1939 г.

НИЖНИЙ НАУР

Мы расстались. В день разлуки
Был я мал, мне шел восьмой.
Мать ко мне простерла руки:
„Будь же счастлив, мальчик мой!“

Видел я другие реки,
Слышал смех других людей.
„Не увидеть мне вовеки
Милой родины моей!“

Я, влюбленный от рожденья
В мой Наур,—бывал во сне
В саклях нашего селенья,
Игры детства снились мне.

А теперь—я вижу снова
Берегов родных простор,
Годы детства золотого
Затуманили мой взор.

Я на Терек и на стены
Сакли нашей—вновь гляжу
И большие перемены
Я в Науре нахожу.

— В новой, праздничной одежде
Ты еще светлей, чем был,
Я тебя сильнее, чем прежде,
Взрослым сердцем полюбил!—

1939 г.

К ШЕВЧЕНКО

С детства—помещика ты ненавидел,
Горькую долю ты принял в наследство,
Пас ты чужие отары—и видел
Всю бесприютность голодного детства.

В песнях оплакал народную участь,
К мести взывал ты всем сердцем поэта,
К правде мечтой устремлялся, измучась:
В цепи тебя заковали за это.

Орская крепость!

Все время дождало;
Молодость гасла и руки слабели,
Ты об отчизне печалился милой,
Карандаша тебе дать не хотели.

Кобзу твою ненавида, в оковах
Подлый властитель держал тебя, чтобы
Сгинула песня о крыльях багровых
В сердце народном родившейся злобы.

Те, что под лед беспощадный загнали,
Мать Ивася; те, чей мир был осмеян
Гоголем в годы великой печали,—
Слышишь?—сгорели. Их пепел развеян.
Есть для тебя—для живого!—у новой,
Вольной семьи,—как пристало нам,
людам,
Счастья добившимся,—доброе слово.
Песен твоих никогда не забудем.

1939 г.

ТЕРЕК

С гор высоких, где клубятся тучи,
Ты сбегаешь, Терек мой кипучий.
Оглушен, стою на берегу:
Ты по-волчьи воешь на бегу.

Ты стрелой врезаешься в ущелье,
Там находишь ты свое веселье,
А потом, вдали от крутизны
Горделиво катишь валуны.

Ты прорежешь горные отроги,
Станешь полноводней по дороге,
Примешь вкус моей родной земли.
Синий Каспий ждет тебя вдали.

На излучке—вал играет звонкий
И бегут глубокие воронки.
Ты мне кружишь голову, когда
Предо мной гудит твоя вода.

Сколько лет бежишь ты с гор
щербатых?

Сладостна была ты для богатых,
А для бедных ты была горька,
Древняя, могучая река!

Но герои стародавних былей
Часто вброд тебя переходили,
Близ тебя звенел неравный бой
И летели годы над тобой.

Долго шел народ путем кремнистым
И в сраженьях стал он—коммунистом
И врагов испепелил в боях,
Край родной—теперь в его руках.

Сладостны твои седые воды,
Радостны стремительные годы;
Землю изобильную поя,
Орошай колхозные поля!

И пока свободному народу—
Пить твою искрящуюся воду,
А тебе—держать далекий путь, —
Здесь врагу воды не зачерпнуть!

1936 г.

НЕНАВИЖУ ЭГОИСТОВ

Не засмеюсь, коль безумца увижу,
„Умный“ глупец и смешнее, и злей.
Я эгоистов до слез ненавижу,
Этих опасных двуногих зверей.

Жалко мне, жалко, что без исключения
Всех, кто зачат человеком,—зовем
Также: людьми,—лишь по праву рожденья.
Наша ошибка великая в том.

Помните! есть средь людей—скорпионы,
Жала их—злую отраву струят,
Пакоsten шелест их самовлюбленный,
Страшен клевет омерзительных яд.

Что им народное дело?—Пустое!
Можно прожить, лишь свой угол любя;
Кровь человечья и горе людское
Не поколеблют их веры в себя.

Этим—враг на словах ненавистен,
А на поверку—не все ль им равно?
Что им до наших сияющих истин?
„Выдумки! Было бы брюхо полно!“

Как мне еще их назвать? Я не знаю.
Жить нам и строить мешают они.
Время! сожги их поганую стаю,
Смрадный их пепел от глаз отгони!

Сердце мое! Не для славы лукавой,
Руку мою заставляешь писать;
Дышишь ты, сердце, народною славой
Так для чего же другой мне искать?

Сгиньте, холодные, злые, скупые!
Смейся, душа моя, к свету спеша,
Ты не похожа на души такие:
Как я тебе благодарен, душа!

1939 г.

БУРЯ

Дождь с небес нисходит столпами,
Тьма, как море, глубока,
Грохот сотен пушек над нами,—
В бой вступают облака.

Ветер воет, не уставая,
Град гремит, легла трава,
Волны бури, крыши срывая,
Рушат наземь деревья.

Мой товарищ в бурю такую,
В эти черные часы,
Смотрит прямо в ночь грозовую
Пограничной полосы.

А в глазах—спокойная сила,
Твердой воли торжество:
Отчий край беречь научила
Наша Армия—его.

1939 г.

ВЕЧЕР

Терек! Бурливый Терек!
Зелен пологий берег.
Скрыт островок высокий
Зарослями осоки,
Горлица в роще стонет,
Ястреб в лазури тонет,
Тучка плывет несмело,
Солнце, пылая, село,
Девушка в платье алом
Сходит к реке с кудалом, *
Катятся волны мимо,
Вышел джигит к любимой;
Долго бродить влюбленным,
По берегам зеленым,
Прошрое вспоминая,
Радуюсь дням грядущим.
Стелется мгла ночная,
Смотрит в глаза идущим.

* К у д а л — большой кувшин для воды.

СМЕРТЬ

О, как, разлучница, жестоко
Твое завистливое око!
Взмахнешь крылом—и вот—до срока—
Уходят милые далёко.

Подстерегай меня—живого
На тропах мира золотого;
Ты всё украсть у нас готова,—
Да не отнять—пережитого!

Иной, коль на пути преграда,
К тебе стремится с чашей яда;
Мое же сердце—жизни радо,
А час пробьет—умру, как надо.

И я, на всех людей похожий,
Найду тебя на смертном ложе.
Не попрошу:—Прийди попозже!—
Ты губишь и просящих тоже.

1939 г.

ЗИМА

Бабочками кружатся
Крупные снежинки,
Замерзает лужица
И растет ледок;
Долги ночи темные,
Занесло тропинки
И метель бездомная
Воеет, как щенок.

Наш ручей,—вчера еще
Певший, точно птица,—
Словно засыпающий,
Дышит подо льдом;

Всходит солнце красное,
А светить—скупится,
Облака ненастные
Обступили дом.

Щебета веселого
Стихли отголоски,
Ветви леса голого
Рады поскрипеть;
Залегая на зиму,
Лапу вместо соски
По большому разуму
Сунул в пасть медведь.

Выглядели весело
Шумные селенья;
Белым их завесила
Снежная зима.—
Видишь, как сутулятся,
Хмурятся строенья?
Поседела улица,
В шапках все дома.

Сани за воротами,—
Много дел на брата,
Зимними работами
Занят наш колхоз.
Машут рукавицами
На катках ребята,
Всех их краснолицыми
Сделал дед-Мороз.

1937 г.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ „АСЛАГА И САЛИХАТ“

I

Песня Салихат

Гаснет огонь
 Алой зари,
Месяца нет,
 Вдаль не смотри,
Сердце открой,
 Все говори.
Милый, ужель
 Это—разлука?

Тайн от меня
 Ты не берёг,
Сердце мое
 Видеть ты мог;
Не разделить
 Наших дорог,

Наша любовь
В этом — порука.

Не опускай
Взоров своих,
Не уходи,
Ты — мой жених;
Я не могу
Бросить родных.
Жизнь без тебя —
Смертная мука!

II

Письмо Аслаг

Салихат!
Я в стычке мгновенной
Царской пулей ранен навывлет.
Если сердце рану осилит,
Я вернусь к тебе непременно.

Помню: ветер выл в нетерпенье,
Крупный град плясал на дороге,
Зверь скулил в холодной берлоге, —
В эту ночь я пришел в селенье.

Лампа, иль звезда золотая
За твоей занавеской белой?
О, как сердце мое хотело
К твоему прильнуть, замирая.

Но собаки бросились, лая,
Мать твою закричала: „Кто там?“
Ты в ту ночь не вышла к воротам,
Только тьма сгустилась ночная.

Так же плачет ветер и ныне,
Блещет небо, реки скрежещут,
На ветру деревья трепещут,
Воют звери в моей пустыне...

III

Песня в лесу

Мертвых камни гробовые
К жизни вновь не возвратят,
Наши матери седые
Нас вторично не родят.
Не сладка любовь без воли
И не радоваться той,
Чей любимый дремлет в поле,
Насмерть раненный стрелой.

1939 г.

МАГОМЕТ

ГАДАЕВ

★

КЛЯТВА

Если увидим врага на границе,
Сталин в сражение двинет полки;
Танки, как тучи, пройдут вереницей;
Встанут колючим забором штыки;
Вылетят тысячи наших пилотов,
Бурю низринет на плечи врага
С неба—сплошной потолок самолетов;
Морем, избегающим на берега,
Ринется конница наша лихая,
Чтобы втоптать неприятеля в грязь,
Грозно, по-львиному в поле рыкая,
По-соколиному—ловко кружась.

Клятву даю моей родине милой:
Если буржуй на нее посягнет,
Если он сунет поганое рыло,
Рыло клыкастое в наш огород,—
Выйду с чеченской шашкой своею:

Пусть закаленная сталь упадет
Молнией на разжиревшую шею!..

Клятву даю, мой родимый народ:
Душу отдать за отчизну сумею,
Я покажу, как должны умирать
Вставшие грудью за родину-мать.

Пусть же—вскормившая силу сыновью,
Жгучую жажду навек утоля,
Долг свой сыновний, отдавшего кровью,
Примет с улыбкой родная земля.

В битве погибну—тогда надо мною
В поле раскроется алый цветок,
Чтобы играл на ветру с тишиною
Каждый горящий его лепесток...

К ПОРТРЕТУ

Плачь над убитым, испанская мать,
Сына сожженную грудь охлаждая;
Перед портретом его не рыдать.
Трудно и мне. Плачь над сыном, седая!

Плачь над убитым, испанская мать,
Слезы роняй на могилу сыновью:
Сладко земле терпеливой смешать
Горькие слезы с горячею кровью.

Плачь же сегодня, испанская мать,
Плачь над дымящимся пеплом пожарищ!
Завтра же—в врага будет стрелять
Сына убитого брат и товарищ!

РУЖЕЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Там, где горные дороги
Ниспадают с крутизны,
Где плечистые отроги
В цепь холмов превращены,

Где с утра до ночи—птичьи
Не смолкают голоса,
Где в нетронutom величьи
Подымаются леса,—

Есть селенье, о котором
Вспоминать не надоест,—
Все стоит оно пред взором
Уроженца этих мест.

Над фруктовыми садами
Солнце близкое встает,
Со своими сыновьями
Разговор земля ведет.

Веет воздухом свободы
От прекрасного лица
Нестареющей природы,
Исцеляющей сердца.

И порой—

С нагорий эхо
До селенья донесет
Слово песни,
Вспышку смеха,
Отдаленный шум работ.

И такой незнойный ветер
Пробегают по листьям...

И такой спокойный вечер
Ты увидишь только там.

Ночь сгустилась.

Тиховейный,
Легкий ветер онемел.
Но у выезда—
Ружейный,
Гулкий выстрел прогремел.

Эхо—там, в горах, при звездах
Задержало свой разбег
И рукой хватает воздух
Падающий человек.

И, достигнув близкой цели,
Как в сухом песке вода,

Выстрел в сумраке ущелий
Затерялся навсегда.

Губы тихо шевелятся,
Раненый лежит без сил.
— Если б мог я приподняться,
Я б за гибель отплатил.

— Ты за мною шел по следу,
Знал, что нет со мной ружья.
Принесла тебе победу
Трусость жалкая твоя.—

Нет! не встать ему вовеки,
Холод грудь пронзил насквозь,
Навсегда закрылись веки
И дыханье пресеклось.

Остывающею кровью
Дышит реющая мгла.
О, когда бы смерть сыновью
Нана вытерпеть могла!

Рот спокойный,
Лоб широкий,
Крылья черные бровей,—
Чисто выбритые щеки,
Щеки, снега холодней...

Он—работник был на славу,
Говорит его рука;

Можно было в нем—по нраву
Угадать большевика.

В трудовом народе—вера
 Всем его словам была.
 Голубеет сумрак серый,
 С горных круч сбегает мгла.

Мчится всадник,—лошадь в мыле,
А в селеньи плач стоит.
— Ночью сокола убили,
С пульей в сердце пал джигит.—

Нана сына окликает,
За руку его берет,
А рука его—
 Свисает,
А рука его—
 Как лед...

И упала на дорогу
Около сыновьих ног,—
Начал таять понемногу
В горле бьющийся комок:

— Кто твой облик светлый видел
В твой последний, смертный час?
Кто тебя возненавидел,
Жизнь твою украл у нас?

— Кто посмел моим объятьям
Твой холодный труп отдать?

Где, скажи, моим проклятьям
Вора подлого искать?

— Кто тебе порой ночью
Боль такую причинил,
Что и я, дитя родное,
Близ тебя лежу без сил?

— Ты уходишь, кровь родная,
Жизнь моя, моя душа!..—

Сын лежит,
 Не отвечая,
Не печалась,
 Не дыша.

Та рука, что эту рану
Нанесла ему впотьмах,
Не одну седую нану
Обездолила в горах,

Угоняя скот, немало
Уложила бедняков,
Без кормильца оставляла
На земле сирот и вдов.

Если б встал он на мгновение,
Он сказал бы:

-- Я убит.

Застрелил меня—

Бандит.

Я взываю об отмщении. --

МАРИАМ

ИСАЕВА

★

ЗЕЛИМХАН

Над зеленой долиной дрожит ручеек навесу,
Дует ласковый ветер в кудрявом Веденском лесу
И на этом ветру шелестит, словно зыбкий ковыль,
Еле слышная песня, седая, абрецкая быль.

О, рассказ о героях, что в те отгоревшие дни
Умирали в лесу за свободу родимой Чечни!
Мнится, жизнь их была даже этой листве дорога,
Их природа сама укрывала от взора врага.

И лепечет ручей, вьется ветер в зеленой тени;
Зелимхану слагают хвалебную песню они:
—Зелимхан Харачойский! Привет тебе, славный
джигит!
Пусть народная память вовеки твой сон
сторожит.

О свободе народной звенел твой бесстрашный
кинжал,

Бедноту, Зелимхан, ты своею семьей называл.
Ты детей и жену предоставил заботам судьбы,
Бросил дом и пришел в этот лес для великой
борьбы.

Здесь играли метели, взвывая серебряный прах,
По ночам завывали голодные звери в горах,
За народное дело ты бился, народный герой,
Этот путь для тебя был родней, чем семья и
покой.

Став абреком, себя ты великим лишением обрек,
По суровым горам ты оленем бродил, одинок,
Ты свой слух напрягал: не таится ли враг
за спиной?

По-орлиному взор твой сверлил этот сумрак
лесной,

Ты не спал по ночам: не таится ли недруг
в тени?

Но тебя охраняла природа родимой Чечни.
Если голод томил, ты был рад, ежевику найдя,
Если мучила жажда, ты рад был и каплям дождя.

Было небо само одеялом твоим голубым,
А родная земля—незастеленным ложем твоим;
Ты подругу имел: закаленную шашку свою,
Ты имел побратима: кинжал, изостренный в бою.

Ты бродил, одинок, по хребту истощенной страны
И выслушивал жалобы сонной лесной тишины.

А когда, утомлен бременами неслыханных дел,
Ты к жилищам людей, словно раненый сокол,
слетел,

На тебя налетело, страшась твоих глаз, воронье.
И свершило к полуночи подлое дело свое.
Царь смеялся: ты умер! Но слава твоя не умрет,
Не забудет тебя твой свободный чеченский
народ!

А Х М Е Т

Х А М Х О Е В

★

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Броневики за танками—
 Проходят дни.
Твои питомцы—летчики
 Орлам сродни,
Ты сталью—пограничные
 Крепишь плетни.
Живи средь нас, вовек живи,
 Отец народа—Сталин!

Ты высвободил родину
 Из вражьих рук.
Пред нами путь—как золото:
 Заря вокруг!
Идут народы, братствуя,
 За другом друг.
Живи средь нас, вовек живи,
 Отец народа—Сталин!

Томится за кордонами
 Рабочий люд.

Когда в ночи кончается
 Неправый суд,—
С твоим бессмертным именем
 На смерть идут.
Живи средь нас, вовек живи,
 Отец народа—Сталин!

Ты свергнул гнет неслыханный
 Минувших лет,
Ты подарил незрячему
 И свет, и цвет,—
Горит над нашей родиной
 Звезда побед.
Живи средь нас, вовек живи
 Отец народа—Сталин!

Цветут сады колхозные,
 Моя земля!
Шумят поля колхозные,
 Мои поля!
Мои—леса высокие,
 Мои—моря широкие,
Ты бережешь мою страну,
 Отец народа—Сталин!

ДРУЖБА

— Кавказ обойден всенародной славой.
Поник боец седоглавый.—

Кто может это сказать?

— Ингушские земли с Чечней не слиты,
Враждуют наши джигиты.—

Кто может это сказать?

— Под кровом родимым сойтись доселе
Два брата не захотели.—

Кто может это сказать?

— Пусть братья сидят за столом богатым,
Но брат расстанется с братом.—

Кто может это сказать?

— От глаз не отогнана тьма ночная,
Заря не взошла, сияя.—

Кто может это сказать?

— Не стало отрадой всего живого
Вождя бессмертное слово.—

Кто может это сказать?

— Горянка в правах не равна мужчине
В аулах наших поныне.—

Кто может это сказать?

— Еще не пришли мы к большим победам,
Идя за партией следом.—

Кто может это сказать?

— Найдется силач, чтоб повергнуть знамя,
Что солнцем блещет над нами.—

Кто может это сказать?

СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА

Вижу я:

Горит над родиной
Яркий свет, сменивший тьму;
Слышу я:

В сердцах смеются
Жизнь и счастье без конца.
Чтобы нам не позавидовать
В целом мире никому,
Имя Сталина запало
В наши верные сердца.

Вижу я:

Гордится родина
Силой нашей молодой.
Слышу я:

Сердцами движет
Мудрый Сталинский Закон.
Высоко летают соколы
Над землей и над водой,

Славной Армией надежно
Мир счастливый защищен.

Вижу я:

Друзьями нашими
Стали тысячи машин;

Слышу я:

Народный разум
Вскормлен множеством наук.
Сделал ты страну счастливою,
Добрый воли исполни.
Вечно здравствуй,
Вождь народов,
Наш отец и лучший друг!

МАЛИКЕТ

Я тебя, отойдя ко сну,—
 Вижу,
Наяву я тебя одну—
 Вижу,
Золотую мою луну—
 Вижу;
«Слишком крепко я люблю тебя, Маликет.

Золотое и белое—
 Вижу,
Точно яблоко спелое—
 Вижу,
Я лицо твое смелое—
 Вижу;
«Слишком крепко я люблю тебя, Маликет

В школе тебя, дорогая,
 Вижу;

Красную доску когда я
Виджу—
Имя твое, замирая,
Виджу;
Слишком крепко я люблю тебя, Маликет.

Не вели мне жить
Птицею ночной,
Не вели мне плыть
Рыбою речной,
Сердце схоронить
В песке, под водой,—
Слишком крепко я люблю тебя, Маликет.

Не отдам калыма—
Прошло время!
Над муллою мимо
Прошло время.
Сталиным хранима,
С плеч—сбрось—бремя!
Слишком крепко я люблю тебя, Маликет.

Неба синюю глубину
Виджу,
Молодую мою страну
Виджу,
Золотую мою луну
Виджу;
Слишком крепко я люблю тебя, Маликет!

КАМИСА

МУРТАЗАЛИЕВА

☆

ЧЕЧНЯ

Царской власти волей тяжелой
Были мы всех прав лишены
И бежали в горы чеченцы
Из привольной родной страны.

Скажешь: город!—не понимают.
Скажешь: русский!—клинки горят.
И широких равнин чеченцы
Не видали сто лет под ряд.

Им землею казался камень,
Черен был от туч небосклон.
Там, лишённые прав, чеченцы
Сами создали свой закон.

Был он суше и тверже камня.
О, горянок древний позор!
И моих сестер продавали,
Покупали моих сестер.

Не дружа ни с одним народом,
Мой народ блуждал, одинок;
Слишком часто мелкие споры
Разрешал сверкнувший клинок.

Но подул над горами ветер,
Опрокинул седой адат.
Власть Советов!

И вот—чеченец
Называет русского: брат.

На пути ломая плотины,
С гор мы хлынули, как вода.
Здесь хозяева—мы, чеченцы,
Счастье к нам пришло навсегда.

Не уступят в правах горянки
Сыновьям родимой страны,
Над душой своей певучей
И над телом своим—вольны.

Старики—молодыми стали;
Это—вольностью дышит грудь,
Это—вождь молодежь выводит
На широкий ленинский путь.

Говорят старики в аулах:
— Перед нами светлеет даль.—
И стучат сердца молодежи:
— Власть народная,—будь как сталь!—

У станков могучих заводов
И среди полей золотых

Люди жизнью живут единой,
Это—дружба спаяла их.

Сталин сделал радость—бессмертной,
Нашей родины—краше нет;
Пусть же Сталин и власть Советов
Будут с нами тысячи лет!

Славься, жизнь,—играй, молодая!—
Ты прекраснее с каждым днем.
Мы дорогой социализма
К мировой коммуне идем!

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Как подул
Ветер строгий,
Лед застыл
На дороге.
Я не знаю, как случилось,—
Разлучилась я с тобой.

Ветер к нам
Гонит тучи,
Клонит ветвь
Вихрь летучий.
Голова моя склонилась,—
Ты навеки мне чужой.

Кончен путь—
Наш совместный,
Сердце спит
В клетке тесной,

Я тебя в моей печали
Не увижу и во сне.

Врозь идут
Две дороги:
Ты не жди
На пороге;—
Мы с тобой другими стали,—
Говорят подружки мне.

Дождь идет;
День длиннее,
По весне—
Ночь темнее,—
Сколько дней весне бескрылой
Гостьей быть в моем краю?

Просветлел
Кряж высокий,—
(Синева
На востоке!)—
Чтобы сердцу легче было
Позабыть любовь твою.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

БОЛКАН АНЗОРОВА

1. За весть вам спасибо, любимые	3
2. Чтоб от недруга нас уберечь	5
3. Орденоносцу Али Гучигову	7
4. Поутру не увидимся	9

ДЖЕМАЛДИН ЯНДИЕВ

1. Посвящение	11
2. Звени, моя песня	12
3. Впервые в горах я увидел зарю	14
4. Обо мне ты, нана, не думай	16
5. Родина	19
6. Песня матери	20
7. Пойду я медленно, как вол	23
8. Домой	24
9. Сердце	26
10. Время	28
11. Как теперь глубок мой взор	29
12. Зима	30
13. Новый год	31
14. Лейла	33
15. Любимая луна	35
16. А, будь ты неладен, ингушский язык	37

ХАДЖИ-БЕК ИР МУТАЛИЕВ

1. Родина	38
2. Перед могилой Ленина	40
3. Серго	42
4. Двадцатилетняя страна	46
5. Юность	48
6. Мой гость	51

НУРДИН МУЗАЕВ

1. Наша родина	54
2. Ровесникам	57
3. Лесная поляна	60

МУСИТ АКТЕМИРОВ	<i>Стр.</i>
1. Гордость народа	68
2. Гранитный утес	70
АРБИ МАМАКАЕВ	
1. Памяти отца—Шамсуда Мамакаева	75
2. Наш путь	77
3. Нижний Наур	79
4. К Шевченко	81
5. Терек	83
6. Ненавижу эгоистов	85
7. Буря	87
8. Вечер	88
9. Смерть	89
10. Зима	90
11. Отрывки из поэмы „Аслага и Салихат“	92
МАГОМЕТ ГАДАЕВ	
1. Клятва	95
2. К портрету	97
3. Ружейный выстрел	98
МАРИАМ ИСАЕВА	
1. Зелимхан	103
АХМЕТ ХАМХОЕВ	
1. Песня о Сталине	106
2. Дружба	108
3. Счастливая страна	110
4. Маликет	112
КАМИСА МУРТАЗАЛИЕВА	
1. Чечня	114
2. Холодная весна	117

Ответредaktor Дж. Яндиев Техредaktor М. Кагерманов
 Ответкорректор Т. Елисеева

Сдано в набор 14-X 1939 г. Подписано к печати 12-XII 1939 г. Формат
 бумаги 72x105. Главлит ЧИАССР № Б-3268 Заказ № 8214. Тираж 2000.
 Объем 3,75 п. л. Учетно-авт. 5,2 л. Зн. в п. л. 55536. Издат. № 201

Тип. Чечинггосиздата, Грозный, Просп. Революции, 34.

Цена 3 р. 20 к.